

• •

( )

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/2409>]

[:]

. . 2002:

( )

//

« ».

.4/ . . , . . (.). ,28-37.

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Черты мужских (тайных) союзов в организации и деятельности древнейших жреческих сообществ Рима.

Рассматривая вопрос о происхождении жречества в Древнем Риме, большинство исследователей сходится на том, что возникновению государственных организаций священнослужителей предшествовало коллективное отправление религиозных действий. Далее, впрочем, точки зрения расходятся. Одни исследователи полагают, что истоки большинства жреческих сообществ скрывались в отправлявшихся коллективно родовых культах, а сами древнейшие организации священнослужителей состояли из людей, объединенных кровным родством.¹ Другие же непосредственными предшественниками жреческих *sodalitates* и *collegia* считают сообщества не гентильного, а более широкого, территориально-общинного характера.²

В общем и целом, вторая точка зрения представляется нам более аргументированной и соответствующей историческому периоду возникновения организованного жречества. При этом, однако, следует отметить, что отождествление древнейших римских сакральных сообществ с объединениями, отправлявшими культы территориальных общин, далеко не в полной мере раскрывает их природу. По нашему мнению, вышеупомянутые сообщества также по сути дела являлись институтами, во многом аналогичными мужским (тайным) союзам других народов, находящихся на стадии развитого родового общества.³

Так, культы и празднества римских сакральных сообществ луперков, салиев, арвальских братьев даже при весьма поверхностном рассмотрении демонстрируют прямую связь с обрядами, обычно отправлявшимися мужскими союзами (отправление культа предков и различных воинских священнодействий, мужские инициации, магическое повышение плодородия и плодовитости и т.д.). Еще более значительным подтверждением подобного вывода является организация римских жреческих *sodalitates*, а также форма отправления ими своих культов. Именно на этом хотелось бы подробнее остановиться в данной статье.

В первую очередь, в организации жреческих сообществ древнейшего Рима довольно отчетливо прослеживаются черты, очень характерные для весьма распространенных у древних и примитивных народов замкнутых мужских (прежде всего – воинских) групп привилегированного характера

Прежде всего, это, конечно же, так называемое “оборотничество”, связанное как с отправлением культа предков и божеств внешнего мира, так и с ролью “неистовых воинов” нередко выполнявшейся членами мужских союзов. В качестве примеров в данном случае достаточно привести союз “людей-леопардов” в Западной Африке⁴ или скандинавских берсерков, которые нередко рассматривались как оборотни, одевались в звериные шкуры, носили звериные имена и т.д.⁵

Определенные черты подобного рода довольно хорошо заметны в образе римских луперков. Так, само их название уже древними авторами связывалось, как известно, с образом волка (Plut. Rom., 21, Serv. VIII,343; Dio Cass. XLV,30,1), с чем соглашаются и многие современные авторы⁶. И толкование луперков как “отвратителей волков”⁷, по нашему мнению, отнюдь не является существенным возражением против вышеупомянутого утверждения, поскольку служители бога-волка с двойственной природой могли воплощать собой волков-защитников и в то же время отпугивать зловредных диких хищников из внешнего мира.

Помимо названия, на связь луперков с волком, по мнению отдельных ученых, указывает и локализация их празднества на Палатине – холме Марса, священным животным которого был волк.⁸ Кроме того, в письменных источниках отмечается звероподобный (возможно, волкоподобный) вид членов луперкского сообщества (Cic. Cael. XI,26; Varro l.L. VI,34).⁹ Действительно, обнаженные или опоясанные шкурами, в меховых шапках (Serv. II,683), они должны были производить именно подобное впечатление.

Наконец, наиболее весомым аргументом в пользу “оборотничества” луперков является подмеченное еще древними авторами сходство данного сообщества и его ритуалов с весьма широко распространенными в греко-италийском мире “волчьими” культами, напрямую связанными с верой в оборотней.¹⁰ Так, именно на это, судя по всему, указывает выведение Луперкалий из Аркадии, где были весьма развиты представления о волках-оборотнях¹¹, а также проведение параллелей между культом луперков и культами Пана и Зевса Ликейского, полными элементов ликантропии (Plin. N.H. VIII,82; Pausan. VIII,2,3; Aug. C.D. XVIII,17)¹². Наконец, “оборотнические” культы и сакральные сообщества существовали и у непосредственных соседей римлян. Достаточно вспомнить самнитское племя гирпинов (от сабинского *hirpus* – “волк”) (Strabo V,4,12) и, конечно же, культовое сообщество *hirpi Sorani*, существовавшее у фалисков.

Определенные черты, связанные с перевоплощением в животных, возможно, изначально были характерны не только для луперков, но и

для салиев. Согласно отдельным указаниям источников, в их гимнах упоминались *pelles* (меховые шкуры или шапки) (*Serv. VII,188; Min. Fel. Oct. 24,3*) и *pescia* (накидки или нагрудники из шкур ягнят) (*Fest. P 230L*)¹³ связанные с образом Мамурия Ветурия и празднеством Мамуралий. По нашему мнению, эти упоминания вполне могут указывать на то, что древнейшей формой одежды салиев были не бронзовые доспехи, а одеяния из шкур жертвенных животных, подобные луперским.

Основным возражением против связи облачения в шкуры с “оборотничеством” является указание на то, что эти шкуры принадлежали домашним травоядным животным – козлам или ягнятам¹⁴, а “оборотни” обычно перевоплощались в диких хищников (в европейском кругу прежде всего, волков). Однако в ритуалах многих архаических народов весьма распространенной является группировка именно противоположных животных (медведь и северный олень, волк и козел и т.п.)¹⁵, поэтому переодевание в шкуры козлов или ягнят, очевидно, могло означать даже превращение в противоположных им хищных животных, а не просто переход в звероподобное состояние.

Родственной “оборотничеству” чертой мужских союзов, несомненно, было то, что их члены периодически приходили в состояние безумия, родственное религиозному экстазу.¹⁶ Среди проявлений этого безумия следует назвать, в частности, неудержимый смех и поедание сырого мяса, хорошо известные не только, в частности, у берсерков германского мира или гомеровских героев¹⁷, но и у представителей древнейших жреческих сообществ Рима.

Прежде всего, это, конечно же, касается все тех же луперков. Весьма показательным в данном случае то, что уже римляне “просвещенного века” воспринимали их братство как дикое и необузданное (*Cic. Cael. XI,26*), а культ – как определенную аномалию в «трезвой» римской религии.¹⁸ Очевидно, поведение луперков даже в довольно поздние периоды подтверждало такую репутацию. По данным отдельных письменных источников, в священнодействиях рассматриваемого сообщества весьма широко использовалось вино (*Cic. Phil. III,5; XIII,15; Dio Cass. XLV,30 Lact. Inst. I,21*), что действительно, по всей видимости, делало их культ “нетрезвым” и необузданным, сходным, скажем, с греческими дионисийскими празднествами или оргиастическими культами Анны Перенны и Либеры.¹⁹

Более того, в источниках существуют косвенные указания и на конкретные проявления характерного для мужских союзов безумия. Достаточно упомянуть ритуальный смех посвящаемых юношей (*Plu Rom., 21*), а также уже рассмотренную связь с волками, которая

возможно, в числе всего прочего предполагала и сыроедство.

Отголоски экстатических состояний можно заметить и у салиев. Сообщества более “цивилизованного” нежели луперки, однако все же сохранявшего определенную связь с древнейшими сакральными ритуалами. Так, в частности, в Пренестинском календаре под 20 октября (день после Армилюстрия) отмечено, что салии *sanguinem gustare antea frequentes solebant*, т.е. “раньше часто пробовали кровь”.²⁰ По нашему мнению, подобный обычай, исчезнувший ко временам Августа, был терезитком широко распространенного у мужских союзов примитивных народов поедания кровавого мяса в состоянии религиозного экстаза. С подобной точки зрения Ю.В. Андреев трактует знаменитую сцену безумия женихов в “Одиссее” – их лица искажаются и они начинают есть сырое мясо.²¹

Еще одной чертой, характерной для мужских союзов, были ритуальные пиршества, проходившие обычно втайне от детей и женщин. Подобные пиршества зарождаются на самых ранних этапах эволюции человеческого общества, у охотничьих племен²² однако в том или ином виде сохраняются до достаточно поздних периодов. Конечно, со временем они теряют смысл простого насыщения и часто приобретают черты священнодействия (пиршество после жертвоприношения), однако при этом по-прежнему сохраняют значение фактора, объединяющего взрослых мужчин, часто – воинов. В частности, трапезы подобного характера хорошо известны для Греции различных эпох – достаточно вспомнить частые описания царских коллективных обедов у Гомера²³ или спартанские “обеденные клубы” (фидитии).²⁴

Как видно из источников, ритуальные пиршества являлись очень характерной чертой и древнейших сакральных сообществ Рима. И если, скажем, оборотничество или экстатические состояния в исторический период прослеживаются уже далеко не у всех *sodalitates*, то трапеза после жертвоприношения устраивалась и луперками, и салиями, и арвальскими братьями, и жрецами Геркулеса.

Так, у луперков пиршество было связано с ритуальным состязанием в беге (Ovid. *Fast.* II, 361-380; Val. *Max.* II,2,9) и проходило, очевидно, после него, причем основное участие в трапезе принимали представители победившей группы бегунов, а также, естественно, жрецы, руководившие празднеством.

Подобное же положение было, по всей видимости, изначально характерно и для культа Геркулеса на *Ara maxima* – после обязательного основного жертвоприношения всегда устраивалось пиршество из внутренностей жертвенных животных, к которому допускались только

Потиции, а Пинарии лишь прислуживали и получали остатки (Liv. I,7,12; Dion. Hal. I,40,3-4; Serv. VIII,269; Origo g.R. 6-8).

Не последнюю роль играли ритуальные трапезы и в культе салиев. Совершая многодневный сакральный обход города, по вечерам они останавливались в своих *mansiones* и пировали, причем эти пиршества были настолько великолепны, что вошли в поговорку (Hor. Od. I,37,2; II,14,28; Cic. Att. 5,9; Fam. VII,26,2; Varro r.r. III,2,16; Mart. XII,48,11; Plin. N.H. XXVIII,20; Fest. 329M; Suet. Claud., 33; Apul. Met. IV,22; VII,10; Tert. Apolog., 39; Aus. Epist. IX,13; Symmach. Epist. I,23). Известен даже случай, когда император Клавдий покинул свой несомненно обильный обед и присоединился к пировавшим салиям (Suet. Claud., 33). Некоторыми исследователями данные трапезы связываются с первобытными ритуалами насыщения, символизовавшими обилие и плодородие всей общины.²⁵

Пиршества подобного рода были, судя по всему, характерны и для арвальских братьев – в течение своего майского праздника они неоднократно устраивали жертвоприношения и трапезы из мяса жертвенных животных, в том числе и в доме магистра.²⁶

Можно заметить, что большинство рассмотренных ритуальных трапез проходило в определенных местах, принадлежащих жреческим сообществам и закрытых для посторонних. В значительной степени это было характерно и для определенной части священнодействий, отправлявшихся сакральными *sodalitates*. Как мы знаем, одной из наиболее типичных черт мужских (тайных) союзов было совершение наиболее важных обрядов на особых священных площадках, куда непосвященным доступ был запрещен²⁷

Наиболее заметна данная черта в ритуалах сообщества арвальских братьев. Как известно, в основном они совершались в священной роще *Dea Dia*, куда доступ посторонним был закрыт.²⁸ По всей видимости, именно подобная таинственность в значительной мере обусловила практическое отсутствие упоминаний обрядов *fratres Arvales* в письменных источниках: подавляющая часть этих церемоний известна нам непосредственно по протоколам сообщества, высеченным на мраморных плитах²⁹

Весьма значительное количество обрядов других сообществ отправлялось публично – достаточно вспомнить ритуальный бег луперков или пляски салиев. Однако и эти *sodalitates* имели, как известно, свои священные места, где совершались определенные действия сакрального характера – прежде всего, жертвоприношения и уже рассмотренные ритуальные пиршества.

Так, Луперкал – пещера на склоне Палатина, связанная с ритуалами луперков, по нашему мнению, является типичным примером “священной площадки” тайных союзов архаических народов. Судя по данным источников, именно здесь происходило жертвоприношение коз (Ovid. Fast. II,361, 441, Plut. Rom., 21, Val. Max. II,2,9; Serv. VIII,343) и собаки (Plut. Rom., 21, q.R., 68; 111), ритуальное пиршество (Ovid. Fast. II,361-380; Val. Max. II,2,9), а также церемония с двумя юношами (Plut. Rom. 21). Показательно в данном случае то, что последний ритуал, а также жертвоприношение собаки упомянуты лишь у Плутарха. С нашей точки зрения, подобное положение указывает не на позднее происхождение этих обрядов или заимствование из Греции³⁰, а на их отправление втайне от основной массы народа.

Собственные священные места для собраний, жертвоприношений и пиршеств имелись и у салиев. В исторический период это были уже упомянутые так называемые *mansiones* (Varro I.L. V,85; Dion. Hal. II,70; CIL VI,2158), *curiae* (Dion. Hal. II,70; Cic. Div. I,17,30; Plut. Camill., 32), *sacrariae* (Dion. Hal. XIV,5; Val. Max. I,8,11), однако на древнейших этапах римской истории они, возможно, также представляли собой природные укрытия вроде пещер или рош³¹

Наконец, весьма значительные следы замкнутости и таинственности несет на себе культ Геркулеса на *Aga maxima*, отправлявшийся Поттициями и Пинариями. Как известно, к их священнодействиям не допускались женщины³² – черта, характерная для мужских (тайных) объединений, начиная с самых древнейших времен³³. Кроме того, ритуалы Поттициев и Пинариев, по всей видимости, были закрыты и для несвободных людей. На это указывает известная легенда о недуге и последующем вымирании рода Поттициев, осквернивших свой культ допущением к нему общественных рабов (Liv. IX,29,10).

Еще одним проявлением рассматриваемой закрытости было, по нашему мнению, весьма распространенное у древнейших римлян и других архаических народов сохранение в тайне имен богов и духов, почитавшихся культовыми сообществами³⁴

Как известно, характерной чертой культа луперков было отсутствие молитвы и связи с определенным богом.³⁵ Конечно, это может быть свидетельством возникновения этого культа и отправлявшего его сообщества в древнейшие времена до появления индивидуализированных божеств. Однако, с нашей точки зрения, столь же реально и предположение о том, что имена божеств, почитавшихся луперками, изначально были тайными и лишь в достаточно поздние времена стали известны народу.

В случае с салиями примечательно не только почитание весьма широкого круга божеств (тоже часто объясняемое древнейшим происхождением салийского культа)³⁶ но и фактическое отсутствие в их гимнах упоминания Марса – божества, с которым напрямую были связаны многие салийские празднества³⁷ Все это также, очевидно, указывает на изначальное сохранение в тайне имени Марса как покровителя сообщества салиев.

Подобное же положение было характерно и для арвальских братьев. В их гимнах также упоминается множество самых различных божеств, однако исследователи до сих пор расходятся во мнениях, кто же был основным божественным покровителем сообщества.³⁸

Наконец, об изначальной замкнутости древнейших жреческих сообществ и их сходстве с институтом мужских союзов, по нашему мнению, свидетельствует возможное наличие у них особого тайного языка, непонятого непосвященным³⁹ На это, судя по всему, указывает наличие у древних авторов упоминания о том, что гимны салиев и арвальских братьев исполнялись на языке, якобы непонятном даже для самих жрецов (Quintil. I,6,40).⁴⁰ Очевидно, первоначально этот язык был скрытым лишь от непосвященных, однако впоследствии, с появлением государственных жречеств, потерял смысл и для самих жрецов.

Как можно заметить, не только круг почитаемых божеств и совершаемые обряды, но и особенности организации и отправления культа древнейших жреческих сообществ Рима демонстрируют целый ряд весьма важных черт, позволяющих провести прямые параллели с мужскими (тайными) союзами многих других архаических народов. По нашему мнению, на этой основе можно сделать вывод о том, что древнейшие сакральные *sodalitates* Рима, возникшие до учреждения государственных жречеств, по сути дела являлись институтами аналогичного характера.

В древнейший период они, судя по всему, объединяли всех мужчин-воинов той или иной территориальной общины, наряду с реальной защитой своего поселения выполнявших эту же функцию и на сакральном уровне – путем отправления культа божеств-первопредков, одновременно игравших роль владык внешнего мира и хранителей человеческой общины. В качестве служителей божеств подобного характера мужчины, входившие в древнейшие сакральные сообщества Рима, очевидно, наделялись и определенными сверхъестественными чертами способностью принимать звериный облик, приходиться в экстатические состояния, повышать плодovitость и т.д. Их обряды при этом были окружены завесой таинственности и недоступны для непосвященных

(прежде всего – женщин и детей) – совершались они в закрытых местах (пещеры, роши), имена почитаемых божеств – покровителей сообщества сохранялись в тайне, а священные гимны *sodalitates*, возможно, исполнялись на особом языке, понятном только посвященным.

Со временем сакральные сообщества приобретали все более привилегированный характер, постепенно становясь союзами представителей наиболее влиятельных родов и семей. Одновременно – с развитием сакральной и социальной сфер – шел и процесс углубления специализации функций мужских культовых сообществ. Во-первых, они постепенно сосредотачивались лишь на религиозной деятельности, становясь именно жреческими организациями, отграниченными, скажем, от военной сферы. Во-вторых, и сакральные функции древнейших жреческих сообществ тоже постепенно разделялись. Так, если более архаическое *sodalitas* луперков демонстрирует неразделенность функций очищения, повышения плодородия и демонстрации физической силы, то у более поздних сообществ салиев и арвальских братьев, возникших на этапе перехода к городской общине, уже достаточно заметно разделение, к примеру, очищения “сельскохозяйственного” и “воинского” характера. Наконец, руководители древнейших сакральных сообществ постепенно начинают играть самостоятельную роль, превращаясь в первых индивидуальных жрецов.

¹ Preller L. *Roemische Mythologie*. Berlin, 1856. S. 111; Wissowa G. *Religion und Kultus der Roemer*. Muenchen, 1912. S. 404 und 481; Немировский А.И. *История раннего Рима и Италии*. Воронеж, 1962. С. 136; Он же. *Идеология и культура раннего Рима*. Воронеж, 1964. С. 120; Сморгчов А.М. *Сакральные основы формирования римской цивитас*. М., 1991. С.41.

² Marquardt J. *Roemische Staatsverwaltung*. Band 3. S. 410; Warde Fowler W. *The Roman Festivals of the Period of the Republic*. London, 1899. P. 41; Нетушил И.В. *Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа*. Харьков, 1902. Вып. 3. С.769; Gjerstad E. *Early Rome*. V. Lund, 1972. P. 257; Latte K. *Roemische Religionsgeschichte*. Muenchen, 1960. S. 115; Штаерман Е.М. *Социальные основы религии Древнего Рима*. М., 1987. С. 57; *Жреческие коллегии в раннем Риме*. М., 2001. С. 198-200.

Подробнее о мужских союзах см.. *История первобытного общества. Эпоха классового образования*. М., 1988. С. 237-238.

⁴ *История первобытного общества. Эпоха классового образования*. С. 418.

Weiser. L. *Altgermanische Junglingsweihen und Maennerbuende*. Baden, 1927. S. 45; Андреев Ю.В. *Мужские союзы в поэмах Гомера* // ВДИ, 1964, №4. С. 49.

⁶ Preller L. *Op. cit.* S. 389; Jordan H. *Kritische Beitrage zur Geschichte der lateinischen Sprache*. Berlin, 1879. S. 164-165; Wissowa G. *Op. cit.* S. 209; Otto W. *Roemische Sagen*. III. *Larentalia und Acca Larentia* // WS, 35, 1913. S. 70-72; Idem. *Die Luperci und die Feier der*

Lupercalien // Philologus. LXXII. 1913. S. 164, Kirsopp-Michels A. The Topography and Interpretation of the Lupercalia // TAPhA. 84. 1953; Dumezil G. La religion de Rome archaïque. Paris, 1969. P. 352; Lambrechts P. Les Lupercalia. une fête prédeiste // Hommages à J. Bidez et F. Cumont. Bruxelles, 1949. P. 172; Tennant P.M.W. The Lupercalia and the Romulus and Remus Legend // Acta Classica. 31, 1988. P. 85-90; Mastrocinque A. Romolo (la fondazione di Roma tra storia e leggenda). Este, 1993. P. 142.

⁷ Deubner L. Op. cit. S. 485; Жреческие коллегии... С. 254.

⁸ Warde Fowler W. Op. cit. P. 311.

⁹ Wissowa G. Op. cit. S. 560; Otto W. Op. cit. S. 163-166.

Mannhardt W. Antike Wald- und Feldkulte. S. 318f., Frazer J.G. Golden Bough. II. P. 242f., Preller-Robert. Griechische Mythologie. I. S. 144; Warde Fowler W. Op. cit. P. 317; Jeanmaire. Couroi et Couretes. Lille, 1939 P. 550f.

¹¹ Жреческие коллегии... С. 254.

¹² Там же. С. 266.

Warde Fowler W. Op. cit. P. 47-49; Жреческие коллегии... С. 186-188.

¹⁴ Жреческие коллегии... С. 254.

¹⁵ Bayet J. La religion romaine. P. 79-80.

Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 48.

¹⁷ Там же

¹⁸ Warde Fowler W. Op. cit. P. 314; Gjerstad E. Op. cit. P. 27; Ulf C. Das Roemische Lupercalienfest. Darmstadt, 1982. S. 161, Mastrocinque A. Op. cit. P. 167.

¹⁹ Ulf C. Op. cit. S. 161; Mastrocinque A. Op. cit. P. 167.

²⁰ Scullard H. Festivals and Ceremonies of the Roman Republic. London, 1981. P. 195

Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 48.

Артемова О.Ю. Указ. соч. С. 63 и 70.

Finsler G. Homer. I. Leipzig Berlin, 1914. S. 219f.; Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 39-42.

²⁴ Nilsson M.P. Die Grundlagen des Spartanischen Leben // Klio, XII, 1912; Opuscula Selecta. II. Lund, 1952. S. 826-871; Андреев Ю.В. Указ. соч. С. 37.

²⁵ Жреческие коллегии... С. 191.

²⁶ Там же. С. 220-223.

²⁷ Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 85

²⁸ Жреческие коллегии... С. 220; 224.

²⁹ Там же. С. 224.

Deubner L. Lupercalia // ARW. Band 13. 1910. S. 502; Жреческие коллегии. С. 256-257

³¹ Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 42.

³² Warde Fowler W. Op. cit. P. 194; Idem. The Religious Experience of Roman People. London, 1911. P. 30.

Артемова О.Ю. Первобытные эгалитарные и неэгалитарные общества // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Сб. научн. трудов. Вып. I-II. М., 1991. С. 62; 70.

³⁴ Warde Fowler W. The Festivals. P. 313; Штаерман Е.М. Указ. соч. С. 40-41, История первобытного общества. Эпоха классового образования. С. 238.

- ³⁵ Warde Fowler W Op. cit. P 312-313; Lambrechts P Op. cit. P 171. Gjerstad E. Op. cit. P 27. Wiseman T. The God of the Lupercalia. P 2; Жреческие коллегии... С. 250-251
- ³⁶ Сморгчов А.М. Указ. соч. С. 46-47; Жреческие коллегии. С. 207
Warde Fowler W Op. cit. P 41, Жреческие коллегии. С. 203-207
- ³⁸ Жреческие коллегии... С. 231-240.
История первобытного общества. Эпоха классовообразования. С. 238.
Marquardt J. Op. cit. S. 419; Hild J. Salii. P. 1019; Жреческие коллегии... С. 198:
232.